

Лариса
Рудальская

Рецензы срастят

Лариса Алексеевна Рубальская

Рецепты счастья

Серия «Поэзия подарочная»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51265797
Рецепты счастья / Лариса Рубальская: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109159-0*

Аннотация

Часто мы не замечаем, что счастье заключено в простых вещах. Важно, чтобы были люди, с которыми можно поделиться своим счастьем и несчастьем, помочь кому-то, поддержать или, наоборот, чтобы было кому вас поддержать.

«Рецепты, которыми хочу поделиться с вами, я нахожу в лабиринтах своей памяти – и сколько чего взять, положить, замесить, сколько варить и жарить – все по памяти. А вы уж сами из своего опыта добавляйте да улучшайте мои рецепты. А стихи и рассказы – для настроения. В них грусти немного, а негрусти побольше. Как в рецептах соли и сахара. Кому как вкуснее.

Главное, чтоб было самое главное для счастья – кого кормить и чем кормить. Ведь если есть кого кормить – значит, вы не одиноки, не в смысле замужем-незамужем, детей полон дом или их нет. А в смысле – есть кого усадить напротив себя за стол, поставить вторую тарелочку да подливать-подкладывать. Хоть подружке, хоть соседке, хоть дальней или близкой родне. Ведь в

одиночку есть не интересно, правда же? Надо, чтоб поели, а потом еще попросили и похвалили.

В общем, надеюсь, что мы друг другу пригодимся.

Я сердцем и душой с вами».

Содержание

Предисловие	7
Январь	9
Постарайтесь забыть	11
Сибирячки	13
«В день, когда ты ушла...»	14
Не было бы счастья...	16
«Ты полюбил другую женщину...»	36
Выбираю	38
Не надейся, дорогой	40
Ты изменяешь мне с женой	42
Так сложилась жизнь	44
Последний мост	46
Снежная королева	48
Ночка зимняя...	50
Самурай	51
Прекрасная дама	53
«Мне тридцать лет, а я не замужем...»	54
Пленник	56
Детям	57
Февраль	59
А потом все сначала	61
«Она любила вишни...»	63
«Он жил в высотке...»	65

Женщина гуляет с собакой	67
Богач	71
Виртуоз	73
Огонь	74
Колокольчик детства	76
Мы в садовников играли...	78
Я боялась	80
Мужская история	82
Танго утраченных грез	83
Фото	85
Разлука для любви	88
Пионерский лагерь	90
Безнадежная Надежда	92
Детям	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Лариса Алексеевна Рубальская Рецепты счастья

© Рубальская Л.А, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Предисловие

Мои дорогие и любимые читатели и почитатели!

Я очень рада, что мы опять встретились на страницах этой книги. И опять у нас есть повод поговорить.

Я часто говорю о себе так: я не так много знаю, как много помню. Это так и есть. Но ведь помнить – это совсем не плохо.

Например, кто-то умный рассказывает что-то очень интересное, и вдруг – раз! Детали забыл!

Название, например, какое-нибудь или имя. И тут я – раз! И напредила. А до этого и сама не знала, что я это знала. Вот такое у меня странное свойство памяти. Иногда сама думаю – откуда это в моей голове? Да что тут, собственно, думать? Тут просто надо небо благодарить, что одарило меня этим чудесным свойством. Что я и делаю – благодарю небо всем сердцем и душой.

Вот и рецепты, которыми я хочу поделиться с вами, я нахожу в лабиринтах своей памяти, и сколько чего взять, положить, замесить, сколько варить и жарить – все по памяти. А вы уж сами из своего опыта добавляйте да улучшайте мои рецепты. А стихи и рассказы – это для настроения. В них грусти немного, а не-грусти побольше. Как в рецептах соли и сахара. Кому как вкуснее.

Главное – чтоб было самое главное для счастья – кого кор-

мать и чем кормить. Ведь если есть кого кормить – значит, вы не одиноки, не в смысле замужем-незамужем, детей полон дом или их нет. А в смысле – есть кого усадить напротив себя за стол, поставить вторую тарелочку, да подливать-подкладывать. Хоть подружке, хоть соседке, хоть дальней или близкой родне. Ведь в одиночку есть не интересно, правда же? Надо, чтоб поели, а потом еще попросили и похвалили.

А вот вторая половина этого простого счастья – чем кормить. Это очень важно – не как в сказке, «по сусекам наскрести», а иметь возможность купить хороших продуктов и щедро их приготовить. Всем сердцем желаю вам быть здоровыми и сильными, иметь хорошую работу и чтоб была такая обычная возможность – готовить и кормить, ведь так радостно угощать и делиться.

Так что готовьте по моим нехитрым и очень вкусным рецептам, зовите гостей и читайте им под салатик или блинчики понравившиеся вам мои стихи. Если, конечно, такие найдутся.

А если обнаружите, что у меня в рецептах что-то не так – например, перца многовато, или, наоборот, не хватает сахара – пишите мне в инстаграм или приходите на концерты и принародно высказывайтесь.

В общем, надеюсь, что мы друг другу пригодимся.

Я сердцем и душой с вами.

Лариса Рубальская

Январь

Зима. Мороз. Январский снег.
Но солнце повернулось к лету.
Мой самый главный человек
Родился в чудный месяц этот.

1. Борщ с черносливом. (Я люблю без мяса, но отдельно сваренное мясо можно порезать маленькими кусочками и положить в готовый борщ.)

Все, как надо для борща: Потушить порезанные свеклу, морковь, лук на сливочном масле.

В кастрюлю переложить все из сковородки, а саму сковородку с остатком масла сполоснуть водой и вылить все в кастрюлю. Добавить порезанные капусту, помидорку (можно из банки с резаными помидорами), половинку картошки и чернослив. Добавить соль, сахар, лимонную кислоту (все по вкусу). Сварить. Получится вкусно.

2. Назовем это блюдо, например, «Ночка зимняя».

Все просто: Нарезать белый хлеб (лучше взять уже нарезанный батон. Там кусочки ровные). Натереть сыр (можно старый, который вы забыли съесть и он подсох, а можно просто твердый). Натереть его на терке. Переложить в миску, ту-

да разбить яйцо, помешать и посолить. Разогреть сковородку с растительным маслом. Массу из сыра и яйца мазать на кусочки белого хлеба и, перевернув сыром вниз, положить на горячую уже сковородку. Минуты через 2–3 перевернуть и поджарить низ еще 1–2 минутки. Все – готово. Сыр расплавился и зарумянился, блюдо готово. Деткам тоже очень нравится.

Постарайтесь забыть

Я прошлую зимою так продрогла
Без друга, без любви и без тепла.
Я думала, что вы ко мне надолго,
Казалось мне, я вас всю жизнь ждала.

Вы были так решительно несмелы,
Вы были так пленительно смелы.
Я ничего сказать вам не посмела,
Когда вы так стремительно ушли.

Постарайтесь забыть,
Как в камине дрова догорали,
Как закутала ночь в покрывало колдунья-метель.
Постарайтесь забыть,
Что шептали вы, как целовали,
Как я верила вам и какой была смятой постель.

Ни недругом не стали вы, ни другом,
Я вас искать под утро не помчусь,
Вы мой недуг. Я мучаюсь недугом
И, может быть, не скоро излечусь.

Но я и вам покой не обещаю
И знаю, что вы вспомните не раз,
Как, согревая ночь, дрова трещали,
Но это вам неведомо сейчас.

Сибирячки

Я живу, закон не нарушая,
И за мной не водится грехов.
Почему же ночью спать мешает
Старая сибирская любовь?

Сколько верст я по земле измерил,
И каких девчонок ни встречал,
Ты, моя сибирская потеря,
В сны мои приходишь по ночам.

Я проснулся после спячки,
И с шальной головой.
Сибирячки, сибирячки,
От любви я сам не свой.

Мне под силу разные задачки,
На любой вопрос найду ответ.
Только без девчонки-сибирячки
Все равно мне счастья в жизни нет.
Но однажды, словно в море лодка,
Вдруг причалишь к берегу любви.
Ты, моя сибирская находка,
Вдруг пройдешь по улицам Москвы.

«В день, когда ты ушла...»

В день, когда ты ушла,
Снег засыпал дорогу у дома,
По которой могла
Ты еще возвратиться назад.
В день, когда ты ушла,
Стало все по-другому.
Намело седины
В золотой облетающий сад.

В день, когда ты ушла,
Еще долго шаги раздавались.
Это эхо твое
Не хотело мой дом покидать.
В день, когда ты ушла,
Твое имя осталось
Среди горьких рябин
В облетевшем саду зимовать.

В день, когда ты ушла,
От меня улетела синица.
Я ловил журавля,
А синицу не смог удержать.
День, когда ты ушла,
Больше не повторится.
Снег метет за окном.

И от холода ветки дрожат.

Не было бы счастья...

Это был последний Новый год моего одиночества. Уже за месяц все вокруг как будто сговорились, достают меня одним и тем же вопросом: Ларис, ты где Новый год? Где-где... Как будто бы не знают, что нигде. Никаких предложений и приглашений. И зачем тогда спрашивать? Я решила никого не погружать в свои печали, и бодро всем отвечала, что пойду в Большой, на «Щелкунчик». Это был верняк – там всегда 31 декабря «Щелкунчик» идет, и билеты стоят очень дорого, и не достать. Но у меня там, в Большом, остались связи, после того, как я ездила с оперной труппой в Японию в качестве переводчика. И уж один-то билетик мне всегда там найдут. Или посадят на приставное кресло. Но это так, к слову. Не хочу я ни в какой театр. И вообще никуда не хочу.

Еще в ноябре надо мной каждое утро всходила радуга. В смысле, я была счастлива, потому, что, просыпаясь, всегда на подушке рядом видела любимое лицо этого дурака Борьки, уже давно брошенного женой и лечившего свои сердечные рваные раны в моих объятьях. Борька подходил мне в мужа по всем показателям. Во-первых, я его любила. Ну и во-вторых – все остальное. А главное – он свободен! Холостяк! Бывшая жена не в счет. Так мне, по крайней мере, казалось. Надо сказать, что вопрос о замужестве стоял уже очень остро, как-никак тридцатник отгуляли. Пора-пора-по-

радуемся. Да только радоваться, получается, нечему. Потому что именно эта бывшая его Наташка позвонила 28 ноября и сказала, что помнит, что у ее Борюсика день рождения, и почему бы им его, по старой памяти, вместе не отметить. Ну Борька и согласился, и радуга надо мной погасла. Даже за вещами приходить ему ко мне не было необходимости, потому что он их никогда в мой дом не приносил. Наверно, все-таки ждал Наташкиного зова.

А тут все вопросы свои насчет Нового года задают, как будто бы не видят моих зареванных глаз. Все ведь видели, все всё знают, а все равно спрашивают. А тут еще на экране телевизора все от радости одурели – Новый год! Джингл-белл-джингл белл!!! Семейное у всех счастье!

Обнадеженные моим «Щелкунчиком», друзья и подружки постепенно перестали меня пытаться и стали готовиться к празднику – кто как, кто куда, кто с кем.

Мимо елочных базаров я проходила закрыв глаза, а от запаха хвои меня подташнивало. В голове была только одна мысль – скорей бы это тридцать первое декабря наступило и прошло. А там уже будет легче.

В отличие от меня мои подружки Нового года ждали, любили этот праздник. Забыли, что ли, что старше становятся – цифры ведь никто не отменял.

Как-то забежала Ирина. Ее с Игорем пригласили в какую-то крутую компанию. У нее новое платье готово, а подходящих украшений нет. И она пришла порыться в моих

«драгоценностях» – недорогой, но вполне симпатичной бижутерии. – Ларис, одолжишь на денек? Да бери, пожалуйста, – хоть на денек, хоть навсегда. Производи впечатление. Мне ведь все равно уже ничего никогда не понадобится – осколки разбитого сердца не склеить, не сложить... Ирина убежала, вполне счастливая, и обещала потом рассказать, как там, в крутой компании, было. И еще она сказала, что у нее предчувствие, что в эту новогоднюю ночь Игоряшка сделает ей предложение.

Галка тоже жила в ожидании счастья. Прямо перед Новым годом должен прилететь с Ямала ее любимый Толик. Уже полгода он там вкалывает, и скучает и грустит по ней, но вырваться к Галке своей ненаглядной никак не может – держит важная работа. И вот, наконец, под Новый год прилетит и привезет ей разных подарков. Особенно Галка мечтала о вкусной ямальской рыбке – нельме, муксуне. Они будут стругать замороженные тушки тонкими кусочками, а потом есть, обмакивая в соль, смешанную с перцем. Там, на Ямале, именно так делают.

Вот чудная эта Галка. Нет бы думать, как они с Толиком целоваться-обниматься будут, а она – рыбку в соль с перцем... Не буду же я ее мечту исправлять – пусть как хочет, так и мечтает. Все равно ей лучше, чем мне. Одно только ожидание – уже счастье. А у меня и этого нет.

Санек и Серега – рыцари мои верные, дружки надежные, в Новый год, как они говорят, будут «бороться с нуждой». Это означает – выступать будут на разных праздничных площадках. Они – гитаристы, аккомпанирующий состав. Гитары под мышки – и на всю ночь: перебегать, переезжать с одной площадки на другую да деньги по карманам раскладывать. Новогодняя ночь музыкантов полгода кормит. Хорошо, что работы много – певец, которому они аккомпанируют, как раз в большой популярности, нарасхват. И сам он парень добрый – с ребятами заработком делится. Только хорошо бы, чтобы новогодняя ночь была не очень холодной, а то можно и пальцы отморозить – струны-то у гитар металлические, а площадки в основном открытые – на улицах и площадях. Они, мои дружки, меня, конечно бы, одну в новогоднюю ночь не бросили, но, сами понимаете, жить-то на что-то надо.

Может, правда на «Щелкунчика» пойти? Театр уж полон, ложи блещут – точно так, как писал Великий поэт. Музыка в балете великая, а говорят, что такая музыка души лечит, и фуэте всякие вообще отвлекают от мыслей. Конкретно, о Борьке- дураке несчастном, и вообще о том, что никому на свете я не нужна. Но как представляю картину – окончился балет, и я одна иду по предновогоднему городу. Сыпется серебряный снег, торопятся встречать Новый год счастливые люди – бегут и едут мимо с сумками, подарками – парами и семьями. А я, как дура, топаю одна, с кислой физиономией.

Еще три дня назад оставалась слабая надежда на Юльку. Она, конечно, компания не самая веселая. Еще бы – тридцатилетие отгуляли три года назад, а Германа, как говорится, все нет. Думаете, я «Пиковую даму» вспомнила? Да нет. Как раз так зовут Юлькиного возлюбленного. Герман женат и уже пять лет Юльке голову морочит, что жену свою он не любит, а любит как раз Юльку, и что вот-вот разведется, и они с Юлькой поженятся. И Юлька, дуреха, ждет. А Герман, как отпуск – с женой, субботы с воскресеньями – дома, с семьей. Вот и любит моя Юлька все эти пять лет только вторники и четверги. Я-то давно поняла, что ничего у них не изменится. Даже подсчитала все вторники и четверги в году – количество дней, когда Юлька бывает счастлива. Всего-то около ста дней получилось – не так уж и много. Тем более, что иногда эти дни на праздники выпадали.

Так что Юлька была реальной кандидатурой моей новогодней напарницы-страдалицы, но так вышло, что три дня назад у нее заболела собака. Она, Юлька в смысле, – волонтер, и всех собак на улице подбирает, лечит, выхаживает. И как раз у любимой ее собаки, семнадцатилетней дворняжки Дуни, что-то серьезное с печенью, и Юлька на работе взяла отпуск и сказала, что ни за что Дуньку, эту старушку беззубую, одну в новогоднюю ночь не оставит. Я, конечно, Юльку не понимаю, но она человек очень добрый и преданный, даже чересчур, и ее в этом деле не сдвинешь. Я иногда даже думаю, что Герман, может, из-за собак этих поселиться

у нее не торопится. Короче, выходит, что и Юлька в Новый год может составить мне компанию только по телефону.

А за Дуньку я рада: хоть она под бой курантов будет не одна.

Никакой елки! Еще чего! Потом иголки два месяца подметать! И готовить ничего не буду – кому есть-то? Тридцать первого нарочно долго не вставала с кровати – спать-то не могла, но просто так валялась, чтоб остальная часть дня покороче была. Лежала и думала о судьбе своей горючей, о Борьке-дураке, о друзьях и подружках.

Вот, к примеру, Борька. Что ему было не так, что Наташка его бывшая едва пальчиком пошевелила и он бросился в свою былую жизнь, в этот, как он мне рассказывал, ад кромешный. Одни скандалы и Наташкины истерики. И даже один раз какое-то настоящее предательство. Борька говорил, что я – его счастье, о котором он даже и мечтать не мог.

По специальности Борька был инженером, но устроился работать куда-то на киностудию, где снимают документальные фильмы. Он там за аппаратуру отвечает и числится помощником оператора. Работа ему нравилась – поездки, новые места, интересные люди. Ну а зарплата, сами понимаете... Вот из-за этого с Наташкой и скандалы. А я что – во-первых, прилично зарабатываю – гид-переводчик, редкий язык, японский. Две экскурсии в день – Москва – столица

СССР – пять рублей, Кремль – сердце столицы – три рубля. Да еще японские туристы подарки дарят – колготки, авторучки, зонтики. Один раз даже часы Seiko подарили. А сколько мне зонтиков этих надо? Уже всех вокруг ими одарила, а излишки – в комиссионку. Это еще добавочный заработок. Так что для истерик поводов нет, как у его избалованной Наташки. И вообще, к слову скажу, я всю жизнь очень умеренных потребностей человек. И до сих пор всегда хочу меньше, чем могу себе позволить. Это такая моя жизненная привычка и наука. Я – сама-сама-сама!!! И никто мне ничего не должен. Удобно, кстати. Но мужчины, как видно, любят как раз тех, кто все время у них что-то требует. И Борька – конкретный пример. А я, дурочка, хотела ему на Новый год дороговую меховую шапку подарить – ведь на съемках часто холодно бывает. А эта его любимая вязаная шапочка меня просто раздражала. Наташка, видите ли, когда-то сама ему связала. Лучше бы работать пошла и сама себе на капризы свои деньги зарабатывала. А то за все их совместные семь лет только шапочка вязаная – вся ее работа. А остальное – одни истерики.

Да ну что я-то об этом думаю? Не хочет шапку из ондатры – как хочет. Только зря я на нее деньги копила.

Потом я стала думать об Ирине и Игоре. Вот про кого-то иногда говорят – хорошая пара. Так вот это как раз они и есть. Ирина – художник. Кукол шьет. Очень интересные у

нее человечки получаются. Даже не человечки, а какие-то живые, умные символы жизни. Каждая кукла с характером. И на выставки у нее этих кукол охотно берут. Недавно она даже получила заказ – сделать кукольную пушкиниану. И самого поэта, и женщин его любимых – Гончарову Наталью, Анну Павловну Керн, Арину Родионовну тоже обязательно, а как же – Буря мглою небо кроет. Надо также убийцу, этого злодея Дантеса, смастерить, и царя – как же без царя? Ирина счастлива. Еще бы, такие образы!!! И однажды она попросила меня к ней в мастерскую прийти, помочь. И так было чудесно – я читала стихи, Пушкина, наизусть, конечно. Ирина слушала и рисовала наброски – эскизы к куклам будущим. И я даже один стишок, подходящий к этой теме, придумала. И потом на выставке, на стенде с Ириной пушкинианой был листок с этим стихотворением.

Ирина постарше меня, и сроки ее замужества уже подошли к финишной прямой. И тут ей встретился Игорь. И ничего страшного, что он старше ее на шестнадцать лет. До встречи с Ириной – убежденный холостяк. Умница – ученый человек. Космос, астрофизика – его страсть. Рассказывает – заслушаешься. И друзья у него все ученые, умные-преумные. Ирина как раз и стала его звездой и чудным мгновением. Осталось только предложение сделать. Ирина ждет, и я жду и надеюсь вместе с ней, потому что очень ее люблю.

Галка – дуреха. Нет, вообще-то она умница. У нее чего ни

спросишь – все знает. Хочешь по истории, хочешь по литературе. В университете она лучшей на курсе была. Самой умной и самой красивой. И замуж первая вышла. И развелась тоже первая. И ведь не он ее в отставку послал, как сейчас говорят, отгрузил. Она сама решила, что любовь должна быть не такой, как у нее с Евгением. Я пыталась Галку – ну что не так-то? Из ее рассказов никак не получался неверный, скряга, ревнивец или вообще отрицательный мерзкий тип. Мы, правда, не вдавались в подробности сексуальных моментов. У нас вообще эти разговоры не были популярны. Может, как раз там и было объяснение Галкиного внезапного решения развестись. И прожили-то они всего каких-то два месяца. А потом сразу одна за другой стали у Галки случаться именно такие любви, о которых она мечтала. Но прожитые с Евгением два месяца оказались рекордом продолжительности ее отношений со встреченными мужчинами. Они мелькали, как летучие молнии в грозовом небе, обжигали Галку, испепеляли ее нежное сердце и растворялись в небытии.

После каждого облома, а обломы случались, как я уже сказала, не по ее инициативе, Галка рыдала по нескольку дней. Говорила, что кто-то ее сглазил, может, даже сам Евгений. С горя она вдруг стала сочинять стихи. По крайней мере, ей казалось, что это стихи. Про всех героев – одни и те же строки. По смыслу – как у Цветаевой: «Мой милый, что тебе я сделала?!!!» Только каждый раз подставлялось имя нового милого.

И вот однажды в однообразной цепочке Гариков-Юриков-Стасиков появился Толик. Нормальный, симпатичный мужик, работяга. Монтажник. Правда, глубиной интеллектуального наполнения не перегруженный. Однажды я зашла к Галке, а они с Толиком как раз кроссворд разгадывали. Галка строчила буквы по клеточкам, как пулемет. А Толик смотрел на нее и улыбался. Любовался, короче. Сам он не мог отгадать ни одного слова.

Толик часто исчезал – уезжал работать на севера, как он говорил. Там его очень высоко ценили за монтажные умения и платили хорошие деньги. Иногда он ненадолго прилетал в Москву к своей ненаглядной Галочке, привозил вкусную рыбку, и Галка была счастлива. Она никогда не говорила о будущем и не строила планов на семейную жизнь с Толиком. Просто любила и была любима.

Может быть, что-нибудь все-таки приготовить? Я же не знала, что Борька «скроется из глаз в серебре декабря», и заранее накупила продуктов для новогоднего стола. Вон, полная морозилка. Самой ведь есть тоже что-то надо. Я же голодовку в связи с предательством этого дурака не объявляла, много чести. Я вообще готовить люблю, да и за делом день скорей пройдет. Я увлеклась, все получалось быстро, вкусно и выглядело красиво. О том, что кормить-то всем этим некого, я забыла.

Кстати, сколько раз за свою жизнь я произносила свою

нехитрую мудрость, что счастье – это если есть кого кормить и чем кормить. Особенно часто я повторяла эти слова, когда наступило мое второе, главное одиночество.

Стрелки неслись по циферблату к вечеру. В дверь позвонила соседка – Ларисочка, елочку не возьмешь? Бесплатно! Понимаешь, я притащила, Колька-муж и Вадька-сын. Как сговорились. Куда нам три елки? Одну я уже пристроила Вере Ивановне, пенсионерке, выше этажом. Даже игрушек елочных отнесла и нарядить помогла. Она уж так благодарила, и вот еще одна лишняя елка – хочешь, даже игрушечками поделюсь.

Елка была такая хорошенькая, что я не смогла от этой красавицы отказаться. За игрушками полезла на антресоль. Хорошо, что не свалилась. Верхолаз я всю жизнь не очень умелый. Вообще, падать – это мое. Полгода назад упала на ровном месте, сломала нос. Когда косточку в носу на место ставили, увидела небо в алмазах. Я и не подозревала, что в глазах может уместиться столько искр. Долго зеркала отражали мое синее опухшее лицо. Хорошо, что в это время как раз японские группы не приезжали и я могла на работу не ходить.

Кстати о сломанном носе. Как же я про Кристину-то забыла? Она что-то в последнее время не появляется. Наверно, занята – поймала очередную жертву. Вот почему я о ней говорю? С носом моим сломанным связано. Кристи нарисова-

лась минут через десять после моего падения – пришла рассказать о своей очередной победе на мужском фронте. А тут как раз я, с окровавленным носом. Еле-еле ей дверь открыла. Она, как кошмар мой увидела, про победу свою забыла, давай воевать за мой нос. Мазала, промокала, потом потащила в клинику к своему знакомому хирургу, и правильно сделала. Хирург косточку на место поставил и вернул мне мою временно испорченную красоту. А если бы Кристина тогда не пришла, осталась бы я навеки с кривым носом. Кто бы тогда потом меня по телевизору показывал?

Кристи – охотница. За мужскими карманами. От природы ей досталась тоненькая и женственная фигурка, которая примиряла взгляд с крупным и, хоть и не сломанным, но кривым носом, который ей тоже достался от природы. Но стоило мужским глазам соскользнуть с этого носа вниз, на Кристину грудь и талию, мужчина тут же оказывался в ее сладкоголосом плену.

Кристи преподавала вокал в музыкальном училище. Там она кружила головы всему мужскому населению – от профессоров до студентов. Как ей это удавалось – я объяснить не могу. Но первым же желанием владельца этой самой вскрыженной головы было желание потратить на Кристи деньги. А ей только этого и надо. Какая там любовь! Какие такие страсти-мордасти? Разорить и отгрузить – вот ее девиз. Она и разоряла, причем не только кошельки, но и доверчивые души. Да, эта ласковая и нежная канарейка знала, чего хочет.

А я никогда ни от кого ничего не ждала. Я сама люблю дарить и угощать. Причем это не зависит от того, насколько широки мои возможности. Сколько есть, столько и ладно. А на шапку ондатровую Борьке-предателю я накопить смогла. Хоть она и дорогая. Жалко, план моей щедрости рухнул, так и не осуществившись. А Кристина, хоть вообще душа добрая, Новый год с ней вдвоем – нет, мне этого не хотелось. Она же всю ночь про деньги говорить будет. Да и она сама, я думаю, ко мне не рвется – чего ей со мной оливье-то жевать? Она кого-нибудь на ресторан дорогой раскрутит.

Я покорила вершину под названием антресоль, достала коробку с игрушками и мишурой, елку нарядила. Даже снизу ваты положила – снежком ее укутала, смотри, не замерзай. Потом детство свое вспомнила, как бабушка мне на утренник новогодний в школе корону мастерил – разбила елочную игрушку на мелкие осколки, потом вату клеем намазала и осколками этими посыпала, чтоб блестела. Снег вокруг елочки моей заискрился, и это воспоминание о детстве потянуло за собой и другие воспоминания. Так, качаясь на волнах памяти, я сама не заметила, что подвинула стол, постелила скатерть со снеговиками, поставила на него все, что приготовила. Нашла красную свечку, тоже поставила на стол. Получилось красиво.

До Нового года оставалось два часа. По телевизору пел тот самый певец, с которым сейчас как раз боролись с нуждой Санек и Серега – дружки мои надежные, оплот нерушимый. Сколько раз в жизни они придут мне на помощь! А потом уйдут навсегда, но это еще очень нескоро.

Певец исполнял какую-то новую песню. Прежде я ее не слышала. Моих ребят на экране не было – съемка проходила раньше, и он пел с каким-то другим составом.

Серега и Санек дружат с детства. Они еще в школе сколотили музыкальную группу и придумали смешное название – «Деньги на бочку». Группа пела о школьной жизни, о первой любви. И все девчонки в городке принадлежали им. Так сложилась жизнь, что женились они на сестрах-двойняшках. Санька – на Лере, а Серега – на Вере. А потом оказалось, что Саня любит как раз Веру, а Серега – наоборот, Леру. Просто они сразу не разобрались. Причем то же самое испытывали и их жены. Так что никакой трагедии не случилось – просто пары переженились по новой и очень дружно зажили. Только жены их, близняшки неразлучные, остались жить там, в маленьком алтайском городке, детишек воспитывают. А парни подались покорять Москву своими талантами. Гитары в их руках были как живые – радовались и печалились. И обратно на Алтай ребятам возвращаться совершенно не хотелось.

Как-то так вышло, что мы однажды познакомились и подружились на долгие годы.

Интересно у японцев. Звуки всякие они слышат совсем не так, как мы. По-своему слышат. Вот, например, дождь идет, мы говорим – кап-кап, а они – поцу-поцу. Снег у нас под ногами – скрип-скрип, а у японцев – кису-кису. Младенец наш плачет – уа-уа, а у них – огя-огя почему-то. Я им говорю, как у нас, а они смеются. Говорят, что мы слышим неправильно. И собака лает совсем не гав-гав, а кан-ван.

Отчетливое гав-гав раздалось за дверью, а потом звонок, и я пошла открывать.

Евдокия вошла первой.

– Стой, стой, надо лапы вытереть! Дуня, куда ты? – Юлька схватила бедную дворнягу. – Ларис, дай что-нибудь, а то она весь пол испачкает.

Вытертая Дунька бодро вспрыгнула на диван, улеглась и стала рассматривать наряженную елку. Судя по выражению морды, на душе у Евдокии было спокойно и радостно.

Смешная моя Юлька – раздела свою шубу синтетическую, купленную уже сто лет назад. Надо сказать, что семья у Юльки совсем не бедная, отец какая-то шишка в министерстве и вполне мог бы приличную шубку дочке справить. Но дочка ни в какую – я убитых зверей на себе не ношу. Под синтетической шубкой оказался какой-то замысловатый карнавальный костюм. Новогодний праздник Юля рассматривала как зимнюю сказку. Поэтому так чудно и нарядилась.

– С наступающим, Ларисочка! Мы с Евдокией подума-

ли-подумали и решили, что встречать Новый год втроем нам будет веселее. Так я тебе про «Щелкунчика» и поверила! В таком настроении не до фуэте и батманов. Ну, думаю, не прогонишь ты нас с Дунечкой. Кстати, мы к праздничному столу тоже кое-что принесли. И Юлька вытащила из сумки мандарин и конфету «Кара-кум». – Вот, а мандарины, скажи, только в Новый год так замечательно пахнут.

Много-много лет назад, было мне лет одиннадцать-двенадцать, гуляли мы с ребятами таким же снежным зимним вечером, незадолго до Нового года у нас в переулке. Еще не так много времени прошло после окончания войны, фрукты покупались нам только по большим праздникам – во-первых, дорого. Во-вторых – не достать. Нут вот, значит, гуляем мы, снегу радуемся. И вдруг я вижу – женщина идет, и в авоське у нее подпрыгивают ярко-оранжевые мандарины. Они так волшебным светились, что мы все перестали играть и уставились на эту авоську. И вдруг из авоськи выкатывается один мандарин и падает в сугроб. Счастливая владелица авоськи, не заметив потери, продолжала идти. И тут я, пионерка, честная не в меру, сорвалась с места и понеслась к этому оранжевому чуду. Схватила мандарин, догнала тетку с авоськой.

– У вас, извините, мандаринчик выпал. И протянула ей ударивший в нос душистым запахом заповедный фрукт. Тетка взяла, кивнула головой и продолжила свой путь.

Вернувшись к ребятам, я поняла, что больше у меня во дворе друзей нет. Они все смотрели на меня молча, осуждая. А ведь тоже пионеры – всем ребятам примеры!!! – думала я, начитавшаяся Тимура с его командой и Васька Трубачева с его товарищами.

Помирились ребята со мной, дурой рахиткой несчастной, так и быть, перед самым Новым годом – мирись, мирись, мирись и больше не дерись.

Спросить Юльку про Германа я боялась. Да что спрашивать – и так ясно. Сидит он с семьей у телевизора, тещины пирожки трескают. Потом, как всегда, наврет чего-нибудь Юле про свой вечный радикулит. Хорошо, что я всякой всячины наготовила. Вот и компания нарисовалась. Дуньке я кину кружок копченой колбасы. С наступающим, Евдокия. Гав-гав!!!

Дверь я, что ли, плохо закрыла? Мы услышали голоса – кто-то вошел. Испугаться мы не успели, потому что два заснеженных человека, не раздеваясь, ввалились в комнату и оказались Галкой и Толиком. Они толкали перед собой огромную коробку – рыбный запах перекрывал ароматы мандаринов и хвои.

– Привет, девочки. Давайте по-быстрому рыбку чистить, – закричал Толик, как будто мы его как раз ждали, и Галка

тоже засуетилась, открывая коробку.

– Галь, может объяснишь, откуда вы взялись? Ты ж не собиралась

– А что тут собираться? Я Толика в аэропорту встретила, а он, вместо здравья, сразу скомандовал ехать к тебе, Лариса. И всех наших велел обзвонить, чтоб пришли. Он столько рыбы привез, что нам вдвоем ее целый год есть не переест. Давайте быстрее чистить, резать, а то до Нового года полчасика всего осталось. А еще надо Старый проводить успеть.

Ирина с Игорем пришли без десяти. Они проводили Старый год в крутой компании, а потом, найдя какую-то вежливую причину, схватили такси и ко мне.

– Ириш, ну зачем ты себе праздник испортила? Пришли бы завтра или послезавтра. Ирина смотрела на меня так, что я понимала без слов, о чем она думала в этот момент. Она просто не хотела словами напоминать о том далеком страшном для ее семьи дне. Когда полетела к ним на помощь, прервав черноморский отдых, и смогла помочь, и никогда об этом не напоминала. А она, подружка моя дорогая, не забыла и, видимо, решила, что теперь она всю жизнь будет делить со мной все мои печали. Тоже мне – печаль! Борька-дурак! Спасибо, Ирочка.

Игорь с Толиком расправились с рыбой. Они виделись впервые, но разговаривали друг с другом так, как будто десять лет просидели за одной партией. Не очень молодой уче-

ный и совсем еще не старый работяга-монтажник. Два классных, настоящих мужика.

Густобровый лидер поздравил с Новым годом весь советский народ, мы хором, как полагается, посчитали до двенадцати, и покатилося время в Новый, 1976 год.

Сначала пили за девчонок, потом за мужчин, за дружбу. А когда Юлька, в карнавальном костюме, предложила выпить за любовь, поднялся Игорь и сказал, что он счастлив встречать Новый год с нами, замечательными друзьями его любимой женщины Ирины, и что он, прямо при нас, просит ее стать его женой. Галка, Юлька и я так обрадовались, как будто это нас позвали в жены.

К двум часам ночи, закончив процесс набивания карманов новогодними гонорарами, объявились Санек с Серегой. Да еще с ними, совершенно неожиданно, пришел сам этот певец популярный. – Девчонки, накормите! Налейте-ка по рюмочке – Хэппи Нью Йеар!

Певец выпил одну за другой три рюмки, уселся рядом с Юлией, положил руку ей на плечо. Юлька замерла, но не ото двинулась. Евдокия подошла к певцу и лизнула ему руку. Юлька выглядела счастливой. Певец сыпал шутками, анекдотами. Потом предложил всем вместе спеть. И мы хором запели «Снег кружится, летает, летает...» Как же было хорошо!

Кто-то вспомнил про Кристину. Она-то что ж не зашла!

А Новый год потому все и любят, что происходят в эту ночь всякие чудеса. Раздался последний в эту ночь звонок в дверь и вошла Кристи – подвыпившая и веселая.

– Привет честной компании! Выпить дадите? Давайте, у меня тост готов – за настоящих мужиков, чтоб у них денег хватало нас, девчонок, радовать. А то мне всю жизнь одни козлы попадают.

Дура ты, Кристинка, хоть и нос мне вылечить помогла. Настоящие – это такие, которые нас любят, верные и надежные. И дай бог, чтоб такие всем в жизни встретились.

А Новый год этот, знаете, почему был для меня самым счастливым? Потому что Борька, дурак этот, так и не появился. А то если бы появился, то не встретился бы мне мой дорогой и любимый Давид, на целых тридцать три года сделавший меня счастливой. Ровно до наступления моего второго одиночества...

«Ты полюбил другую женщину...»

Ты полюбил другую женщину —
Такие горькие дела.
Что в нашей жизни будет трещина,
Я совершенно не ждала.
И мне не верится, не плачется,
Я даже злиться не могу.
За что относится захватчица
Ко мне, как будто бы к врагу?

Ведь я звоню совсем не часто вам
И не затем, чтобы отбить.
Я даже рада, что вы счастливы.
Мне просто трудно разлюбить.
Как в нашей жизни все намешано!
И справедливо не всегда.
Ты полюбил другую женщину,
А мне от этого беда.

Помогут годы или месяцы.
А может, я надеюсь зря.
«Да он вернется, перебесится», —
Мне все подруги говорят.
Прости мне, небо, душу грешную,
Видала я в коротком сне,
Что, разлюбив другую женщину,

Ты возвращаешься ко мне.

Выбираю

Смотришь, а взгляд твой блудлив и отчаян,
Чья-то помада на чашке от чая,
Чья-то расческа на столике в ванной,
Не замечать то было бы странно.

Можно взорваться тут криком скандальным,
Можно разбить все, что в доме хрустально,
Можно заплакать, уйти, хлопнуть дверью,
Но я во все оправдания поверю.
Выбираю я боль, выбираю измену,
Я плачу за любовь невозможную цену.
Холодею любя и до пепла сгораю,
Выбираю тебя, я тебя выбираю.

Этих историй я слышала тыщи.
Что ж ты молчишь, оправдания не ищешь?
Надо бы вещи собрать и расстаться,
Я подбираю слова, чтоб остаться.
Слово скажи, сделай что-нибудь, милый,
Чтоб не расстаться хватило мне силы.
Выброси расческу, и вытри помаду,
Только в грехах сознаваться не надо.
Выбираю я боль, выбираю измену,
Я плачу за любовь невозможную цену.
Холодею любя, и до пепла сгораю,

Выбираю тебя. Я тебя выбираю.

Не надейся, дорогой

Дорогой, подойди к телефону.
Женский голос, наверно, она.
Жаль, что ей неизвестны законы —
Не звонить, если дома жена.
Ты растерян, мой милый, расстроен,
Прячешь в дым выражение глаз.
Что нас в этой истории трое,
Поняла я, поверь, не сейчас.

Но не надейся, дорогой,
Что я отдам тебя другой.
Я двадцать раз с тобой прощусь
И двадцать раз к тебе вернусь.
Я двадцать раз тебе навру,
Что завтра вещи соберу,
И двадцать раз, и двадцать раз
Все будет снова, как сейчас.

Мы друг другу с тобой не чужие,
Сколько их, вместе прожитых дней!
Не молчи, дорогой, расскажи мне,
Я хочу знать всю правду о ней.
Сколько лет, как зовут, кто такая
И что значит она для тебя.
Буду слушать я, слезы глотая,

Ненавидя и все же любя.

Ты изменяешь мне с женой

Я упрекать тебя не буду,
А вот не плакать не проси.
Приходишь ты ко мне по будням
И вечно смотришь на часы.

И ни остаться, ни расстаться
Никак не можешь ты решить.
А мне уже давно за двадцать,
И мне самой пора спешить.

Ты изменяешь мне с женой,
Ты изменяешь ей со мной.
Ты и женой, и мной любим.
Ты изменяешь нам двоим.

Прощаясь, смотришь долгим взглядом,
Рука задержится в руке.
А я следы губной помады
Тебе оставлю на щеке.

Придешь домой, жена заметит,
И ты решишь, что это месть.
А я хочу, чтоб все на свете
Узнали, что я тоже есть.

Ты изменяешь мне с женой,
Ты изменяешь ей со мной.
Ты и женой, и мной любим.
Ты изменяешь нам двоим.

Мне сон приснился невозможный.
И ты, явившись в странном сне,
Промолвил вдруг неосторожно,
Что навсегда пришел ко мне.

Но был недолгим сон тот чудный,
Тебя опять ждала жена.
Опять с тобой я буду в будни
И буду в праздники одна.

Так сложилась жизнь

Привычных дней текущий караван,
Где дни в один сливаются.
Все думают, у нас с тобой роман,
И очень ошибаются.

В минуту между снегом и дождем
Предчувствия тревожные.
Друг к другу мы немедленно придем,
Как помощь неотложная.

Уж так сложилась жизнь,
Зачем ее менять?
Уж так сложилась жизнь,
Попробуй все понять.
Но на закате дня
Ты рядом окажись,
Зачем нам все менять,
Раз так сложилась жизнь.

Ну разве можно все определить?
У каждого по-разному.
Кто встретился, чтоб весны разделить,
Кто – первый снег отпраздновать.

Все чаще утро кутает туман,

Наверно, снег уляжется.

Все думают, у нас с тобой роман,

И мне порой так кажется.

Последний мост

Кто учит птиц дорогу находить,
Лететь в ночи, лететь в ночи по звездам?
И нет сетей им путь загородить
К давно забытым гнездам.

Любовь ли их в дорогу позвала,
В дорогу позвала, где так недолго лето?
Зачем летят из вечного тепла, из вечного
тепла? —
Мне не узнать об этом.

Не сжигай последний мост,
Подожди еще немного.
В темноте при свете звезд
Ты найди ко мне дорогу.
Знаю я, что так непрост
Путь к забытому порогу.
Не сжигай последний мост,
Отыщи ко мне дорогу.
Не сжигай последний мост.
Не сжигай последний мост.
В моих краях такие холода.
Одни снега и ветры завывают.
А ты летишь неведомо куда,
Где дни не остывают.

Но теплые края не для тебя,
Они не для тебя, и, если обернешься,
Поймешь, что жить не можешь, не любя,
Не можешь, не любя,
И в холода вернешься.

Снежная королева

Ветер закружил...

Я запомнил мгновение – снег закружил,
И возникло видение – снег закружил,
Льдинки глаз и твой голос застывший.

Кто же, ты мне скажи,
Этот холод твой выдумал, ты мне скажи?
Твое сердце так выстудил, ты мне скажи?
Стала ты навсегда разлюбившей.

Замок твой ледяной
Солнце не греет.
Грустно жить в нем одной,
Дверь приоткрой...
Снежная королева.

Если можешь, поверь, если можешь, поверь – я люблю,
Снежная королева.
Холод в сердце твоём, холод в сердце твоём растоплю.
И лишь только на миг
Ты меня взглядом тронула, только на миг,
И рассталась с короною только на миг,
Ты обычной девчонкой вдруг стала.

Этот странный твой мир.

Ты от жизни в нем прячешься, странный твой мир,
Мнишь себя неудачницей, странный твой мир,
От холодного плена устала.

Ночка зимняя...

Ночка зимняя затянулась,
Я к утру ее тороплю.
Рана прежняя затянулась —
Больше я тебя не люблю.

Ночка зимняя – больно длинная,
Поскорей бы настал рассвет.
И другой мне скажет «любимая»,
Я «любимый» скажу в ответ.

Росы зимние стынут в инее.
Льдом покрылась дорожка в сад.
Видно, поздно окликнул ты меня —
Не вернусь я уже назад.

Ночка зимняя – больно длинная,
Поскорей бы настал рассвет.
И другой мне скажет «любимая»,
Я «любимый» скажу в ответ.
Март настанет, и снег растает,
Воды вешние уплывут.
Твоя нежность меня не застанет,
И слова твои не зазовут.

Самурай

Три часа самолет над тайгою летит,
У окошка японец сидит и глядит.
И не может, не может понять самурай —
Это что за огромный, неведомый край?

Удивленно таращит японец глаза —
Как же так? Три часа все леса да леса.
Белоснежным платком трет с обидой окно,
Я смотрю, мне смешно, а ему не смешно.

Самурай, самурай, я тебе помогу,
Наливай, самурай, будем пить за тайгу.
Про загадочный край
Я тебе расскажу.
Наливай, самурай,
Я еще закажу.

И пока самолет задевал облака,
Он сказал, что в Японии нет молока,
Что в Японии нет ни лугов, ни лесов
И что негде пасти ни овец, ни коров.
Я тебя понимаю, мой маленький брат,
Ведь таежный мой край и красив, и богат!
Ты не зря, Панасоник, завидуешь мне.
Так налей же еще в голубой вышине.

Прекрасная дама

Студил Петербург разгулявшийся ветер,
По звездному небу катилась луна.
Прекрасная дама летела в карете,
Вся в локонах темных, горда и нежна.

Моя незнакомка из прежних столетий,
С картины сойди и на миг оживи.
Хочу я с тобой прокатиться в карете
По грустным мгновеньям минувшей любви.

Я свечи зажгу и у зеркала сяду,
И там, в Зазеркалье, пригрезится мне
Прекрасная дама с заплаканным взглядом,
И ветер студеной забьется в окне.

«Мне тридцать лет, а я не замужем...»

Мне тридцать лет, а я не замужем.
Как говорят, не первой свежести.
А в сердце чувств такие залежи,
Такой запас любви и нежности!

Моим богатством нерастраченным
Так поделиться с кем-то хочется.
«Да на тебе венец безбрачия», —
Сказала мне соседка-склочница.

Молчала б лучше, гримза старая,
Да помогла б мне с этим справиться.
Все говорят, я девка статная,
И не дурна, хоть не красавица.

Как вкусно я варю варение,
Как жарю кур с румяной корочкой!
И кто б мне сделал предложение,
Не пожалел бы ну нисколько!

Тут заходил один подвыпивший.
Жену с детьми отправил к матери.
Час посидел, мне душу выливши,

Потом ушел. Дорога скатертью.

А скоро праздники подкатятся.
Пойду к подружкам на девичник я.
Вчера себе купила платьице,
Не дорогое, но приличное.

Надену лаковые лодочки,
Войду в метро, как манекенщица.
Потом с девчонками, под водочку,
Нам, может, счастье померещится.

На платье ворот в белых кружевах,
И в нем такая я красавица!
Подружки обе, хоть замужние,
Но, в общем, тоже несчастливые.

Мужья их в доме гости редкие.
Один – моряк. Все где-то плавает.
Другой встречается с соседкою.
Но дети есть, а это – главное.

Пленник

Был тот рассвет очень медленным,
Ночь не спешила пропасть.
Я себя чувствовал пленником,
Знала ли ты свою власть?

Холод во взгляде отсвечивал,
Пряча печаль и испуг,
Но выдавала доверчивость
Ласку не помнящих рук.

Я твой пленник, пленник заколдованный,
Я потерять тебя боюсь.
Я твой пленник, в плен холодных глаз закованный,
Я добровольно в плен сдаюсь.

Время стекало песчинками
В конусе старых часов.
Сильная и беззащитная,
Ты прогоняла любовь.

Может быть, то-то изменится,
Быть перестану чужим.
Чья-то забытая пленница,
Стала ты пленом моим.

Детям

Сказка про моль

На веранде, व्यюнами увитой,
Перепелку ел толстый король.
В это время с большим аппетитом
Ела мантию бледная моль.

Это дело заметила свита,
Смело бросилась в праведный бой.
На веранде, व्यюнами увитой,
Короля заслонила собой.

Неужели дело в моли?
Моль – букашка, и не боле.
Но бывает, даже моль
Доставляет людям боль.

На веранде, व्यюнами увитой,
Спрятал моль горностаевый хвост.
И расстроилась верная свита —
Нету моли, обидно до слез.

Перепелка на время забыта,
Королю не до этого, нет.
На веранде, व्यюнами увитой,

Остывает роскошный обед.

Неужели дело в моли?

Моль – букашка, и не боле.

Но бывает, даже моль

Доставляет людям боль.

На веранде, вьюнами увитой,

Будто раны посыпала соль,

Покружив на прощанье над свитой,

Скрылась в небе проказница-моль.

Наспех мантия кем-то зашита

И играет обычную роль.

На веранде, вьюнами увитой,

Снова ест перепелку король.

Февраль

Скажу спасибо февралю
За то, что в этот месяц снежный
Родился тот, кого люблю,
Родной, любимый, умный, нежный.

1. Селедка «Неведомая сила»

Селедку сначала превратить в селедочное филе, потом порезать, положить в блендер (или через мясорубку), туда плавленый сыр, небольшую луковицу, пару вареных морковок, кусок сливочного масла (большой или маленький – решайте сами, но с большим – вкусней) и все перевернуть или прокрутить блендером. А потом можно намазать на хлеб, или положить на разрезанные крутые яйца. Кто-то может подумать, что это красная икра. Не разубеждайте. Вкус действительно похож.

2. Пончики «Золотые шары»

Как делать сырники (моя бабушка говорила «творожники») вы ведь знаете? – творог, сырная масса с изюмом (чтобы сахар не класть), яйцо, мука. А чтоб получились пончики, все так же, но муки побольше. Скатайте небольшие шарики и жарьте во фритюре. Они раздуются, станут оран-

жевыми и очень вкусными. Просто сырники – это обычно, а пончики – оригинально.

А потом все сначала

Ты обещал прийти
Около десяти.
Десять, двенадцать, час,
Так и не дождалась.

Я не спала всю ночь.
Я сочиняла речь:
– Все, уходи ты прочь,
Больше не будет встреч.

А потом все сначала —
Я ждала и скучала,
Прогоняла, прощала
И назад возвращала.

А потом все сначала —
Что-то в трубку кричала,
И на стрелки смотрела,
И редела, редела...

Снег так похож на дождь,
С правдой похожа ложь,
Занят, долги, дела,
Сердце тоска свела.

Город ночной – мой враг,
Как же ты можешь так,
Ты же не изменял,
Ты предавал меня.

«Она любила вишни...»

Она любила вишни,
А я ее любил.
Но это было лишним,
Я ей не нужен был.

Она косила взгляды
Совсем не на меня.
Отравлен этим ядом,
Я жил, судьбу кляня.

А время летнее,
Погода лунная,
И безответная
Любовь безумная,
Тарелка, полная
Вишневых косточек,
И песня модная
Из летних форточек.

Ложилась ночь на крыши,
Катился диск луны.
Любительница вишни
С другим смотрела сны.
Был этим грустным летом
Я сам себе не рад.

Один встречать рассветы
Ходил в вишневый сад.

Ложился снег неслышно
На вишни в декабре.
И ждали лета вишни
В блестящем серебре.

И в зимнем настроенье
Я тоже лета жду,
Вишневое цветенье
Бывает раз в году.

«Он жил в высотке...»

Он жил в высотке на последнем этаже,
Он мне плеснул глоток шампанского в фужер.
На белых стенах кабинета
Портреты женщин неодетых,
И я сама уже почти что в неглиже.

Ну что он смотрит сверху вниз,
Исполню я его каприз,
Он птица важная – я вижу по полету.
А я не то что влюблена
И от шампанского пьяна,
А просто так – сопротивляться неохота.

Печальный опыт я имела столько раз!
Вот на часы он должен посмотреть сейчас.
Зевнет и скажет: – Время – деньги,
Пойдем, хорош глазеть на стены, —
И холодком плеснет из светло-серых глаз.

Но что случилось на последнем этаже?
Он так запутал мной придуманный сюжет,
И поняла я, что пропала,
В высотный плен навек попала,
И сам он тоже не торопится уже.

Уже не смотрит сверху вниз,
Уже в глазах погас каприз,
И загорелось очень ласковое что-то,
А я не то что влюблена
А просто так давно одна,
Что мне совсем сопротивляться неохота.

Женщина гуляет с собакой

Женщина вечером бродит с собакой.
Глаза у нее почему-то заплаканы.
Она одинока совсем, наверно,
А, может быть, муж у нее неверный.
А, может, он просто большой начальник
И на работе пропадает ночами.
Нет, может, все и совсем по-другому.
Она поплакать вышла из дому,
Дома семья, то есть муж, дети,
И слезы ее могут сразу заметить.
И что в оправданье тогда им скажет?
Ведь тут ничего не придумаешь даже.
И муж хороший, и дети чудные,
А вот она – их мамаша блудная.
Влюбилась, как девочка, в ее-то года,
Ну ладно б, была бы еще молода.
А тут ведь попутал же бес игривый,
Насчастной стала она и счастливой.
Герой моложе почти на тридцать.
Почти как у главной нашей певицы.
От рук его и от запаха кожи
Она сама стала как будто моложе.
Он ей присылает эсэмэски горячие.
И она бродит с собакой и плачет.
Не может забыть той единственной ночи

И с мужем в постель ложиться не хочет.
И бродит с собакой, рыдает дуреха.
Не знает, как быть одинокой-то плохо.
А этот пацан с ней совсем не надолго,
Но я ей завидую даже немного.
Давно мое тело забыло о страсти,
И сердце забыло, как выглядит счастье.
Но я же не плачу. Да некому плакать.
И все же так жалко мне эту с собакой.
Назойливый дождь барабанил по стеклам.
И было нас двое на улице мокрой.
Она со своею бедою горячей,
И я. И не знаю, кому было лучше.
Мы друг мимо друга могли бы пройти,
Но как-то скрестились вдруг наши пути.
Она улыбнулась, как старой знакомой, —
А что ж вы так поздно, и в дождь, и не дома?
Мы ж с вами соседи. Подъезды-то рядом.
Вы к нам заходите, мы все будем рады.
Мы вас очень любим, стихи ваши знаем.
И вслух их порой всей семьею читаем.
Живем мы хоть просто, зато очень дружно.
Я с дочкою вас познакомлю и с мужем.
Она телефон из кармана достала,
И долго-предолго там фото листала —
А вот мы на даче. Вот муж на рыбалке.
Вот дочка. А вот мы все вместе на пляже.
И мне вдруг саму себя стало так жалко,
Как сердце заныло, в словах не расскажешь.

И дальше, и больше, и куча вопросов.
Назойливый дождь лил то прямо, то косо.
Казалось, не будет конца разговору —
А как там Малахов? А что там Киркоров?
Аллегорова замуж не вышла? Как жалко,
И правда поссорились Басков и Галкин?
Хотела все знать, все ее волновало,
И слез на глазах будто и не бывало.
А я-то, дуреха, ее пожалела.
Мне все же хотелось узнать, в чем же дело.
И я задала ей нескромный вопрос
По поводу ранее пролитых слез.
А что ж вы так плакали? Все же прекрасно.
И вашей печали причины не ясны.
И женщина эта, совсем мне чужая
Обычная тетка, соседка по дому,
Ладошку мою вдруг так горестно сжала
И просто сказала: — А как по-другому.
Я часто смотрела на вас из окна,
Как бродите вы вечерами одна.
Я вышла с собакой, увидела вас,
И слезы вдруг сами полились из глаз.
Ведь вы, как рентген. Все вам видно насквозь.
Совсем без причины не может быть слез.
И мне поделиться так хочется с вами.
Мой горький рассказ, может, станет стихами.
На фотках-то жизнь распрекрасная вроде.
Но муж мой порой ночевать не приходит —

Питает к рыбалке он дикую жажду.
И шука его мне звонила однажды.
А дочке под сорок. А мужа все нету.
Она женихов ищет по интернету.
Пока подходящих в мужья не видали.
Хороших давно по хорошим раздали.
И дома давно уж мы все, как чужие.
Забыли, как раньше мы радостно жили.
Уже не вернутся к нам те времена.
Хоть я и в семье, совершенно одна.
Скажите мне, что, разве не о чем плакать?
Отрада моя только эта собака.
А вы, хоть одна, но, поверьте, вам лучше —
Никто не терзает вам сердце и душу.
И вам уж давно не нужны женихи.
Живите спокойно, пишите стихи.
А дождь припустил все сильней и сильней.
И мы, как подруги, вдруг обнялись с ней.
Две разных судьбы по домам разошлись.
В свою одинокую, грустную жизнь.

Богач

Наша жизнь – сплетенье крахов и удач.
Как-то раз все деньги проиграл богач.
Все богатство мигом по ветру пустил.
И своей любимой он сказал: – Прости!

Она ему сказала: – Милый мой, не плачь!
Пока любовь жива, ты все равно богач.
Ты все равно богач, и, сколько ни живи,
Нет ничего сильнее моей к тебе любви.

От ее улыбки и от этих слов
Вдруг запели скрипки песню про любовь.
Что не в деньгах счастье, понял он тогда
И таким счастливым не был никогда.

Она ему сказала: – Милый мой, не плачь!
Пока любовь жива, ты все равно богач.
Ты все равно богач, и, сколько ни живи,
Нет ничего сильнее моей к тебе любви.

Но на этом месте кончилось кино.
Он с любимой вместе едет в казино.
И сказала мило девушка ему: —
Деньги – это сила, риск нам ни к чему.

Она ему сказала: – Ты их зря не трать,
Пока любовь жива, ну а без них – как знать?
Ну а без них как знать, ведь, сколько ни живи,
Когда мешали деньги дружбе и любви?!

Виртуоз

Ночь упала темной шалью,
Долгий день догорел и погас.
Вы играли на рояле,
Я скучала и слушала вас.
Ваша легкая рука
Ноты путала слегка.

Мне, поверьте, скушно
Ваш полночный слушать
Аккомпанемент.
Зря не тратьте силы,
Женщины, мой милый,
Сложный инструмент.

Шли минуты, почему-то
Я ждала, но вы не подошли.
Ваши гаммы в сердце дамы
Никакого огня не зажгли.
Было грустно мне до слез,
Мой несмелый виртуоз!

Огонь

За крышей месяц притаился, словно вор,
Хотел подслушать наш полночный разговор.
А мы с тобой не говорили ни о чем,
Мы целовались и дышали горячо.

И, нарушая траекторию слегка,
Плыла твоя неосторожная рука,
И замирала вдруг, сводя меня с ума,
Качая месяц, и деревья, и дома.

И жар огня
Сжигал меня,
Ведь на земле никто любовь не отменял.

Ты, как оркестром, дирижировала мной,
А я заложником был музыки ночной,
А эта ночь накалом в тысячу свечей
Перечеркнула прежних тысячу ночей.

Разведчик-месяц не разведал наш секрет
И закатился тихо в медленный рассвет,
А то, что было между мною и тобой,
В обычной жизни называется судьбой.
И жар огня
Сжигал меня,

Ведь на земле никто любовь не отменял.

Колокольчик детства

Колокольчик детства моего —
Я опять услышала его.
Он забытым голосом
Мне опять напомнил все,
Колокольчик детства моего.

Там остался мой далекий дом,
Нежный дым сирени за окном.
Где с утра до вечера
Пели птицы певчие,
Там остался мой далекий дом.

Жаль,
Уносятся вдаль
От взрослой поры
Детства милые дворы.

Жаль,
Но эта печаль
Нежна и легка,
Словно детская рука.
Колокольчик, тайну знаешь ты,
Знаешь, где сбываются мечты.
Где прощают шалости,
Нет обид и жалости,

Колокольчик, тайну знаешь ты.

Колокольчик мой, звучи, звучи,
Быть меня счастливой научи,
Чтоб мне птицей певчею
Петь с утра до вечера,
Колокольчик мой, звучи, звучи.

Мы в садовников играли...

Помнишь мир одноэтажный старого двора?
Нам казалась очень важной детская игра.
Все тогда казалось тайным,
Все казалось неслучайным.
Цвел наш сад, и приближалась
Нашей юности пора.

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился.
Все цветы мне надоели,
Я смотрела на тебя.
Мы в садовников играли,
Мы друг друга выбирали,
И казалось в самом деле,
Что решается судьба.

Повзрослели игры наши с тех далеких пор.
Стал давно многоэтажным детства старый двор.
А в метро на переходе
Кто-то вдруг ко мне подходит,
Незнакомый и знакомый,
Начинает разговор.

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился.
Все цветы мне надоели,

Я смотрела на тебя.
Мы в садовников играли,
Мы друг друга выбирали,
И казалось в самом деле,
Что решается судьба.

Знаешь, прежними остались
Голос твой и взгляд.
Будто мы вчера расстались,
А не век назад.
Будто не в метро мы вовсе,
А на улице не осень,
Мы в садовников играем,
И цветет наш старый сад.

Я боялась

Этот мир подлунный вечен,
Чередой то свет, то мгла.
Я боялась этой встречи,
Я боялась и ждала.
Я боялась быть ненужной,
Я боялась нужной быть,
И остаться равнодушной,
И безумно полюбить.

А ты будто мысли подслушал,
А ты заглянул прямо в душу,
А ты обжигал меня взглядом —
Не надо бояться, не надо.

То, что в жизни неизбежно,
Называем мы судьбой.
Я боялась слишком нежной
И послушной быть с тобой.
Я боялась губ горячих
И твоих безумных рук,
Я боялась, что заплачу
И что ты заметишь вдруг.
Этот мир подлунный вечен,
Чередой то свет, то мгла.
Я боялась этой встречи,

Я боялась и ждала.

А теперь безвольной птицей

Я в твоих объятьях быюсь,

И, что это только снится,

Я боюсь, боюсь, боюсь.

Мужская история

Снова осень дворы засыпает,
Небо серое смотрится в лужи.
Я сегодня один засыпаю,
Ты сказала, что так тебе лучше.

Вектор грусти направлен на вечность,
Сколько мне суждено, я не знаю,
Только кардиограммой сердечной
Я сегодня врачей напугаю.

Листья кленов ладонь обожгут,
Я на грусть эту осень потрачу.
Одного я понять не могу,
Кто сказал, что мужчины не плачут?

Мы по рюмке с ребятами вмажем,
Мы пропьем эту горькую осень.
Что со мной, на словах не расскажешь,
И ребята поймут и не спросят.

Ты раскаяньем душу не мучай,
Улетай в небо птицею вольной.
Я хочу, чтоб тебе было лучше,
Как бы мне это ни было больно.

Танго утраченных грез

Застывший аромат камелий
Заворожил покой ночной.
Кто вы такой и как посмели
Столь вероломным быть со мной?

Вдыхала шепот ваш бессвязный
С круженьем легким головы.
Не вы ль в любви клялись мне разве,
Потом оставили не вы?

Это танго утраченных грез
Я танцую одна.
В тусклом свете невидимых звезд
Ночь плывет, так нежна.
Мне лишь гостьей побыть довелось
На балу у любви.
Только танго утраченных грез
Я танцую, увы!

Нет, вы не будете счастливым.
Но жалость к вам гоню я прочь.
Кто вы такой и как могли вы
Забыть ту огненную ночь?
Обрывки ваших слов прощальных
Разносит эхо в тишине.

Но грезы новых обещаний
Теперь вы дарите не мне.

Фото

А живу я одна, навсегда замерев от испуга,
Это после того, как я с бывшим своим развелась.
А недавно пришла ко мне Нинка – из детства подруга,
Пропадала сто лет, вдруг, откуда не знаю, взялась.

Рассказала мне Нинка, что стал изменять Анатолий,
И однажды решила она отомстить мужику —
Изменить, как и он, и навек излечиться от боли,
И прогнать из души надоевшую злую тоску.

Ну а лет молодых нам осталось совсем уж немножко,
Поезд жизни уходит, качнулся последний вагон,
Только Нинка успела с разбегу вскочить на подножку
И влетела в купе, ну а там ждал, естественно, он.

Вот о нем мне подруга часа полтора трындычала —
И какой из себя, и в постели бывает каков.
Ну а я все сидела и только, как дура, молчала,
Потому что забыла, как выглядит эта любовь.

Дальше – больше. Подробности, родинки, плечи,
И другое, такое, о чем говорить ни к чему.
Что случилось, не знаю,
но вдруг мне дышать стало нечем,
Я на Нинку смотрю, а лицо ее будто в дыму.

Зря ты, Нинка, пришла, и в душе началось все сначала,
Когда я поняла, что ты мне говоришь про него.
Зимовала одна, в одиночестве лето встречала,
Начала забывать и взамен не ждала ничего.

Эти родинки я, как и ты, столько раз целовала,
Столько раз засыпала, как ты, я на этом горячем плече.
Испытаешь ты, Нинка, все то, что и я испытала,
Так что слезы готовы для бессонных горячих ночей.

Было жалко, что нет у меня ни сыночка, ни дочки,
Хоть рубашка осталась бы, с запахом тела его.
Наша жизнь расставляет порой неожиданно точки,
Где поставить, решает сама, не спросив никого.

Мне остались на память засохшие в вазе фиалки,
И Сережкино фото – на море, по пояс в волне.
Я не злилась на мужа, но было до ужаса жалко,
Что ушел он к другой и забыл навсегда обо мне.

Он был первым моим и последним моим
был мужчиной,
Самым нежным на свете и самым надежным он был.
А когда при разводе спросили Сережу причину,
Он сказал: – нет причины, я просто ее разлюбил.

Нинка взгляд мой заметила.
– Что ты? – спросила тревожно.

И сказала подруге я вдруг, ни с того ни с сего: —
Слушай, Нинка, скажи, а зовут твоего не Сережа?
Нинка сдвинула брови: – Серега. Ты знаешь его?

Я остывшего чая глотнула, вздохнула поглубже,
И сказала: – Да что ты, да нет, просто я телепат. —
И ни слова о бывшем, предавшем и бросившем муже,
О котором я столько ночей прорыдала подряд.

А счастливая Нинка достала из сумочки фото,
Я сказала себе: успокойся, замри, не дрожи.
А с портрета смотрел на меня незнакомый мне кто-то,
И пропела подруга – вот он, симпатичный, скажи?...

Ночь пробили часы, и в метро заспешила подруга,
А потом позвонила сказать, что уже добралась.
А живу я одна, навсегда замерев от испуга,
Это после того, как я с бывшим своим развелась.

Разлука для любви

У моей тоски есть причина —
Нас с тобой судьба разлучила.
Разлучила нас ненадолго,
Я, пока ждала, вся продрогла.

Прожужжала уши подружкам,
Что мне без тебя очень скушно,
Торопила дни и минуты,
Ты меня забыл почему-то.

Разлука для любви,
Как ветер для огня.
Разлучник-ветер дул,
И ты забыл меня.
Разлучник-ветер дул,
Огонь любви погас,
А может, ничего
И не было у нас.

За окошком дождь бьет по лужам,
В зеркало смотрюсь – чем я хуже?
Может, что не так говорила?
Может, все сама натворила?
Может, ты при встрече случайной
Спросишь, почему я печальна?

Что тогда тебе я отвечу?

Что обиды время не лечит.

Пионерский лагерь

Пацан из гипса, к небу горн,
И муравьи ползут из трещин.
Садится солнце за бугор,
На ужин нам пирог обещан.

Мы нижем бусы из рябин
И шепчем страшные секреты.
Волшебник добрый, Аладдин,
Прощался с нами в это лето.

Мы знаем все уже про джаз,
Зовем друг дружку стариками,
И вырастает что-то в нас,
Топорща майки бугорками.

Уже к мальчишкам интерес,
Кудрявых просто не хватало.
Осуществляющим ликбез
Был Мопассан под одеялом.

Французский фильм «Фанфан-Тюльпан»
Привез механик по ошибке
И загораживал экран,
Когда там целовались шибко.

На фотографии смешной
На фоне знамени с призывом
Та, что была когда-то мной,
В том, пятьдесят восьмом, счастливом...

Горит открытый честный взгляд,
И сердце жаркое Тимура.
Все было столько лет назад,
Чего вдруг вспомнила, как дура?

При чем здесь гипсовый пацан?
Ведь все меняется с годами...
А просто фильм «Фанфан-Тюльпан»
Вчера был по второй программе.

Безнадежная Надежда

Девятнадцать лет отроду Надя обожглась на молоке. Молоком был Витька, за которого она вышла замуж. Ожог об Витьку был очень сильным – как врачи говорят, третьей степени. Больно-пребольно. И заживает очень долго. А когда зажило, Надежда решила, что теперь будет дуть на воду. И к моменту моего с ней знакомства она дула уже десятый год, решив раз и навсегда, что мужикам верить нельзя.

Бывало, что такая предосторожность помогала, а бывало, и нет.

Жизнь уже пододвигала Надю к цифре тридцать, а в этом возрасте паспорт без штампа о регистрации брака – печальный документ. Но Надя не печалилась, а, наоборот, гордилась, что она птица вольная, гордая и независимая. Гнездо свое у птицы было, причем очень симпатичное. И, конечно, время от времени туда залетали всякие перелетные птицы.

Работала Надежда чертежницей в конструкторском бюро, да еще подрабатывала, помогая что-то чертить студентам-дипломникам. Клиентурой ее обеспечивал муж двоюродной сестры, преподаватель какого-то технического института. Так что нужды особенной у Надежды не было, тем более что очень большой транжиркой она не была. Однажды Надя даже смогла скопить денег и съездить с подругой в Грецию. Туда в январе путевки стоят совсем недорого. И шубы

там дешевые – подруга себе купила, а Надя нет – куда ходить-то?

Про таких, как Надя, говорят – хорошенькая. И правда, на нее всегда было радостно смотреть – не толстая, не худая, не верзила, не коротышка, все в норме и на месте. И всегда улыбается. Характер такой – улыбчивый. И зубы белые-белые, ровные. Никогда не скажешь, что два передних зуба – вставленные. Взамен тех, которые Витька выбил. Это тогда же, когда сломал ей ногой два ребра. Ребра срослись, зубы доктор вставил новые, и что же Наде не улыбаться? Улыбается себе и дует, дует на воду – осторожно живет.

А мужики от Нади балдеют – нравится она им. А Надя свои глазищи серые невинные таращит, как школьница, а потом вдруг – раз, и темнеют глаза, и уже глядит на вас грешница-блудница.

В то лето нашего знакомства Надежда разбогатела – отнесла денежки в какой-то банк-пирамиду. Пирамида потом рухнула, но Надя успела невеликий свой капитал увеличить втрое и вовремя выхватить его из рушащейся пирамиды. На все деньги Надежда купила путевку в круиз по Средиземному морю. В одноместную каюту. Правда, в трюме, без окна и около машинного отделения. Ну и что? В каюте же только спать, а все остальное время – сиди себе на палубе да разглядывай разные страны.

Я выходила на палубу рано – привыкла много лет вставать на работу, – но всегда была второй. А первой была Надежда.

Придет раньше всех, шезлонг займет и сидит загорает. В это время и солнышко не такое уж жгучее. Однажды она вообще в шезлонге заночевала. А капитан поздно вечером шел из рубки и Надю на палубе заметил. И сел к ней. Они даже целовались. Но к себе в каюту капитан Надю не позвал, сказал – там жена спит. А так Надя бы пошла. А чего? Капитан симпатичный, в белом кителе. Таких у нее еще не было.

Все это мне Надежда рассказала сама, потому что через три дня совместного утреннего загорания мы уже были подругами. Я – старшей, она – младшей.

Путешествовали мы долго. Дней двадцать. И рассказать Надя успела многое, вернее, про многих. Сначала, как вы уже поняли, коротко – про Витьку, а потом про остальных, по порядку.

* * *

Военная форма очень шла Андрею. Такой мужественный. А глаза грустные. Подошел к ней в метро, попросил разрешения проводить немного. И голос тоже был грустным, как глаза.

Андрей рассказал, что он – летчик-испытатель и завтра должен вылетать на очередное задание. А задание очень опасное. И он не знает, останется ли жив. И он загадал, что если встретит в метро симпатичную девушку и она не прогонит его, то он выживет.

И Надя не прогнала. А утром, провожая Андрея на задание, перекрестила, хоть и не была особенно верующей. Андрей сказал, что, если останется жив, вернется через два дня и сделает ее, Надежду, самой счастливой женщиной на свете. И ушел.

Надежда ждала, присматриваясь к небу, – как там самолеты? Может, в одном из них летит ее отважный летчик-испытатель Андрюха.

Андрей не вернулся. Надя плакала, даже в церковь сходила – поставить свечку за упокой его души.

– Надо же, как бывает, – думала она. – И знакомы-то были всего-ничего, а как в душу запал! Герой! Болит душа, да и все. Уже три месяца не проходит.

Как-то вечером Надя, как обычно, ждала поезд в метро, народу было немного, и она услышала какой-то знакомый голос, произносивший слова, от которых оборвалась Надина, еще не отболевшая, душа. Вот что это были за слова:...понимаете, задание опасное, не знаю, останусь ли жив...

Надя обернулась. У колонны стоял целый-невредимый Андрей и грустно смотрел на миловидную девушку. Он продолжал: – ...и я загадал...

Андрей играл свою заученную роль, как заправский артист. Надя подошла поближе, чтоб Андрей увидел ее. И он увидел. И не узнал.

Больше Надя не плакала. Наоборот, велела себе радоваться – хорошо, что так обошлось, а ведь мог квартиру обчи-

стить. Где он только форму летную взял, маньяк несчастный?...

* * *

Наш пароход плыл по спокойному морю, но однажды начался сильнейший шторм, судно бросало из стороны в сторону. У многих началась морская болезнь. У меня тоже. Я лежала пластом в своей каюте. Как только я поднимала голову от подушки, все, что я в круизе съела, давало о себе знать. Как нарочно, именно в этот день у меня должен был состояться концерт. Именно за этот концерт меня с мужем пригласили в этот круиз – плавай, пей, ешь – все бесплатно. Только концерт, и все. Но шторм усиливался с каждой минутой, и я чувствовала, что концерт придется отменить.

Муж стал говорить, что я обязана встать и отработать, и не подвести организаторов круиза. Я вообще не из тех, кто подводит, но, похоже, я все-таки выступать не смогу.

Муж рассердился и ушел куда-то – он морской болезни подвержен не был.

Вдруг по громкой связи парохода я услышала веселый голос кого-то из руководителей круиза, который сообщал, что получена радиограмма от самого покровителя морей и океанов Нептуна, в которой говорится, что скоро шторм закончится и мы выйдем в спокойное море.

И через некоторое время этот же голос объявил, что

шторм, как и обещал Нептун, кончился. И волнение моря не больше одного балла.

Я посмотрела на часы – концерт ровно через час. Ура! Я никого не подведу.

Оделась, нарядилась, иду в кают-компанию. Уже все пассажиры в сборе. Концерт прошел замечательно – я читала стихи, рассказывала всякие истории, мы все вместе пели. Правда, мне казалось, что еще немного покачивает, но муж объяснил, что это остаточные явления после шторма.

Наутро наш пароход держал курс на Францию. Я вышла на палубу, где уже меня ждала Надя. Вместо того чтобы похвалить меня, как я вчера хорошо выступала, Надя похвалила моего мужа – какой он молодец! Я не поняла – а в чем он-то молодец? Выступала же я!

И Надя, смеясь, рассказала мне, что на самом деле шторм вчера не кончался, но мой муж – хитрец-молодец – попросил руководство круиза объявить, что море успокоилось. Он хорошо знает мою психику и сказал, что, если так объявят, я поверю, а заодно и пассажиры поверят и успокоятся. И концерт состоится. Так оно и получилось.

Во Франции Надя на берег не сошла. Она сказала мне, что ей нездоровится. Но я догадывалась об истинной причине – у Нади нет денег, а во Франции много соблазнов. Вернее, немного денег есть, но Надежда бережет их на Стамбул – купить дубленку. И боится их потратить раньше времени.

А на следующее утро пароход уже шел дальше по курсу,

а мы с Надей опять сидели на палубе и она продолжала свой рассказ...

* * *

Следующим у Надежды появился Валерик. Вернее, он появился не у нее, а у ее подружки Ленки. Ленка с ним в Парке культуры познакомилась, когда сидела на лавочке и читала книгу, Валерик подошел и поинтересовался, что девушка читает.

В тот же вечер Ленка сдалась высокому черноглазому физику-ядерщику Валерию. Он работал на синхрофазотроне в каком-то очень засекреченном научном центре. Физик любил поэзию, читал наизусть стихи Брюсова. Он говорил про Брюсова – тезка. Он – Валерий, и я – Валерий. Только он лирик, а я физик. Вот и вся разница.

Когда Валерик читал стихи, он прикрывал свои черные глаза и получалось очень душевно. Ну вот Ленка и решила своего красавца подруге продемонстрировать. Надя и пришла.

Пили мартини, музыку заводили, и Валерик по очереди танцевал то с Ленкой, то с Надеждой. Когда Надя домой собиралась, Валерик сказал, что двор у Леночки очень темный и он Надю до улицы проводит. А ты, мол, Леночка, пока постельку стели.

Не успели Надя с Валериком из подъезда выйти, как за-

хлестнуло их волной. Горячей, сильной волной любви и страсти. И Ленка пролежала одна на своей накрахмаленной простыночке до утра.

А Надя и постель не стелила. Не до этого было. Еле сама раздеться успела.

Утром Валерий одевался медленно, говорил тихо. Он говорил Надежде, что в душе он большой романтик, и если верить в переселение душ, то в нем живет душа капитана Грея, а Надя – его долгожданная Ассоль. И Ассоль всегда будет ждать его на берегу, и он будет каждую ночь приплывать к ней под алыми парусами.

Через два дня синхрофазотрон вышел из строя, и капитан Грей остался на берегу – на работу не пошел. Портом его приписки стала Надина квартира. Сама Надя каждое утро убегала на работу, сидела до вечера у своего кульмана – чертила, а вечером – бегом домой, к своему Грею.

Надежда была самой счастливой и самой несчастной. Почему счастливой – ясно. А несчастливой-то почему? Да потому, что чувствовала себя предательницей. Ленка, лучшая подруга, веселая и надежная, конечно, все узнала – ну не могла ей Надя правды не сказать! И хоть умоляла Надя подругу все понять и зла не держать, Ленка простить ее не смогла. И не звонила. А Надя скучала о ней, потому что только ей, Ленке, могла рассказать о том, что еще никогда в жизни ничего такого, что чувствует с Валерием, не чувствовала ни с кем. И жить без него теперь не сможет.

Капитан Грей оказался капризным, и Надя старалась ему во всем угодить, как могла. Прошло три месяца. А синхрофазотрон все не чинили. Чертежные деньги кончались быстро, и запас на отпуск уже кончился тоже. Надя немного одолжила на работе, но и этих денег хватило ненадолго.

И однажды Надя осторожно, чтоб не обидеть Валерика, сказала, что это не дело – дома сидеть. Мало ли сколько этот синхрофазотрон чинить будут. Может, пока другую работу поискать?

Капитан Грей обиделся, ужинать не стал и сказал, что не ожидал от своей Ассоль такой прозы.

Утром он отправился на поиски работы. И не вернулся. Надя ждала, хотела искать, но тут только поняла, что не знает даже фамилии Валерика, не говоря уже о месте нахождения этого чертового засекреченного синхрофазотрона.

А через три дня позвонила подруга Ленка – веселая и довольная. И пригласила Надю вечером к ней зайти. – Да ну их, этих мужиков. Что, из-за них ссориться? Давай, заходи, кофе попьем, Валерик Брюсова почитает...

* * *

...Вечерами на пароходе все собирались в кают-компании потанцевать. Надю часто приглашали, и она танцевала легко и красиво. Жены многих пассажиров ревниво поглядывали, когда их мужья танцевали с ней. Но их опасения были на-

пасрны – Надежда зареклась иметь дело с женатыми мужчинами...

* * *

Следующим, правда, не сразу, в жизни обозначился Метлин. У него, конечно, было имя – Игорь, но по имени его никто не называл. Метлин был намного старше Нади – седой, невысокий, солидный. Метлин был человеком не простым, он возглавлял научно-исследовательский институт. Надя познакомилась с ним на улице. Вернее, она сама была на улице, а Метлин – в машине. Надя опаздывала на работу и решила поймать машину. Ну и поймала – вместе с водителем.

Седина в бороде была налицо, а бес в ребро Метлина постучался в тот самый момент, когда он открыл Наде дверцу своего автомобиля. Вообще-то Метлин бабником не был, но бесы иногда стучатся в ребра и к примерным семьянинам.

Метлин полюбил. Серьезно и нежно. Наверно, так выглядит последняя, поздняя любовь. Каждый вечер он приезжал к Надюше с цветами или какими-нибудь подарочками. Ненадолго. Надя не сердилась, знала – дома ждут. Понимала.

В Новый год Метлин попросил Надю никуда не уходить. Он сказал, что встретит Новый год с семьей, а потом что-нибудь придумает и приедет к своей любимой.

Надя украсила елку, сделала салат, пирог испекла, стол накрыла красиво – белая скатерть, а на ней две красные сал-

фетки – ей и ему.

Звонок в дверь раздался около часу ночи. Надя открыла и вместо Метлина увидела очень похожую на него девушку, почти свою ровесницу. Девушка попросила разрешения войти, села у стола. Помолчала. Потом совсем не зло сказала, что все знает – Надя встречается с ее отцом. И очень просит Надю эти встречи прекратить, потому что Метлин нужен ей, ее младшей сестре и особенно маме. У мамы очень больное сердце, и если отец бросит их, мама не переживет.

– А вы, Надюша, молодая и красивая, и любовь свою настоящую обязательно встретите, и будете счастливы, а папу отпустите.

Надя отпустила. Метлин не сопротивлялся – у него не было сил. Институт отнимал много времени, жена лежала в реанимации, и бес в ребре успокоился.

И снова потянулись одинокие Надины дни и ночи, особенно нелюбимые выходные и праздники. Единственным мужчиной в Надиной жизни был Челентано, который время от времени пел ей о любви с магнитофонной кассеты...

* * *

...Наш пароход плыл в обратную сторону. Где-то в Москве уже наступила осень, и ее дыхание слегка чувствовалось на средиземноморских просторах.

Последним портом был Стамбул, где Надя хотела купить

себе дубленку. Шумный восточный базар оглушил меня, и я Надю не видела.

Вечером все пассажирки прогуливались по верхней палубе в новеньких дубленках, рассматривая друг друга и сравнивая цены. Нади среди них не было. К ужину она тоже не пришла. А зря – в этот вечер нам дали блинчики с вишнями, которые Надя так любила.

Утром я вышла на палубу. Нади не было. Я сидела одна и думала о ней – ну почему она такая невезучая? Она и сама, о чем бы ни рассказывала, все время повторяет, что жизнь ее сплошная безнадега. А она – безнадежная Надежда. Ничего себе, игра слов!

– Куда ж ты делась, подружка? – думала я, уже начиная беспокоиться.

На вечер был назначен прощальный концерт, где я должна была участвовать. Я начала наряжаться, когда в каюту постучали. Я не сомневалась, что это Надя. Так оно и было.

Нарядная Надька стояла в дверях. В одной руке она держала тарелку с большим куском шоколадного торта, в другой – бутылку с вином. И улыбалась своей улыбочкой невинной блудницы.

Я спросила:

– Ну что, сдался капитан?

И в ответ Надя рассказала мне заключительную в этом круизе историю...

* * *

Перед самой Турцией Надежда познакомилась с пароходным коком Витей и сразу влюбилась в него. А он в нее. И Надя решила остаться на пароходе – на кухне для нее работа найдется. И будет она с Витей своим рядом бороздить моря и океаны. Это же лучше, чем в конструкторском бюро глаза ломать.

– И, представляешь, опять Витька, как мой первый. Наверно, это судьба. И давай за это выпьем. Ведь не зря меня мама Надеждой назвала. Ведь надежда умирает последней!

Детям

Принципиальный принц

В одной из тысячи столиЦ
На улиЦе Центральной,
Жил во дворЦе красавеЦ принЦ —
Он был принЦипиальный.

Был смуглым Цвет его лиЦа,
Цвет глаз был антраЦитный,
Рос куст акаЦий у крыльЦа,
На клумбах гиаЦинты.

КрасавеЦ принЦ любил Цветы,
Построил им теплиЦу,
Всегда жить в мире красоты —
Таков был принЦип принЦа.

Любил он сына-сорванЦа
С красавиЦею дочкой.
Ведь были дети на отЦа
Похожи точка в точку.

Вот принЦ ангину подЦепил,
Взволнована принЦесса,
Ведь нет вакЦины от баЦилл

Подобного процесса.

И вот уже пенициллин
Залит в цилиндр шприца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.